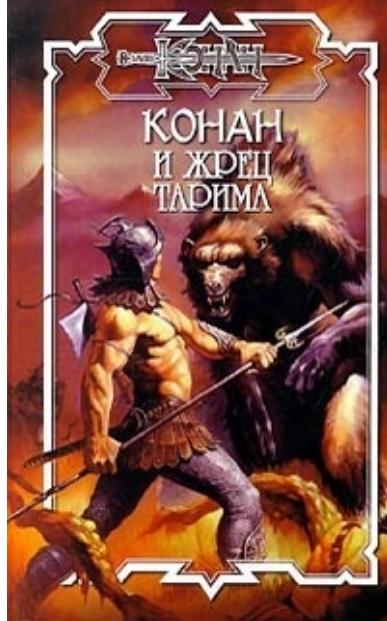

Annotation

Спасаясь от преследующих его туранских войск, Конан укрывается в одном из оазисов пустыни лежащей меж Туроном и Шемом... Там и начинаются его новые, смертельно опасные приключения...

Джей Болтон

Жрец Тарима

И вот наконец спал нестерпимый дневной зной, и быстротечный вечер коснулся расплавленной солнцем земли прохладным, легким поцелуем. От раскаленных песков пустыни заструились потоки горячего воздуха, искажая резкие очертания молчаливых барханов, погружающихся в ночную тень. Атласный шелк заката в невесомой пелене растянутых вдоль горизонта перистых облаков еще окутывал полнеба, но с каждым мгновением отступал перед

натиском темноты, пока не превратился в узкую линию, кольцом опоясавшую западный окоем.

В кровавом пламени светила резные листья высоких пальм, раскачиваемых порывами ветра, на бледном фоне угасающего дня напоминали человеческие руки с растопыренными пальцами, словно руки актеров из театра теней, разыгравших трагедию. И стоило лишь солнцу коснуться краешка земли, как в пустыне стало холодно и неуютно.

Конан, сидя у небольшого костерка, зябко поежился, подбросил в огонь несколько сухих веток и поплотнее закутался в одеяло из верблюжьей шерсти.

Хамра, что на языке шемитов означает — не большой оазис, — этот крохотный островок среди моря песков, с дикой пальмовой рощицей, пересыхающим озерцом и глубоким колодцем вдали от торных караванных путей, вот уже третий день служил ему пристанищем и домом.

Мерцающий воздух струился над раскаленным белесым песком, огибая клочок чахлой зелени. Этот внезапный переход от дневной жары к ночному холodu никогда не нравился киммерийцу и всегда заставал его врасплох, хотя Конан и провел в этих землях уже больше года.

«Все, сегодня бесполезно на что-то надеяться... — подумал он. — Три дня — большой срок.... Либо они погибли, либо пришлось уходить от туранцев в сердце пустыни — да помогут им светлые боги.»

Конан перевернулся на углах поддумяненный кусок конины, провел рукой по заросшей щеке, ощупывая чуткими пальцами подсохшие края еще свежего щрама, никак не желавшего заживать.

Хотел было выругаться, но промолчал — за эти бессмысленные три дня он уже израсходовал столько проклятий, что их с лихвой хватило бы на несколько жизней вперед. Мысли его вертелись по бесконечному кругу, все время возвращаясь к событиям того памятного дня.

«Кром, пошли на Туран черный мор! — все-таки не выдержал киммериец. — Дай мне возможность выбраться из пустыни, а уж тогда я доберусь до тебя, Илдиз. Будь трижды проклято твое имя!»

Илдиз — повелитель Турана, не простил ему убийство одного из своих вельмож, и Конан был вынужден бежать из Аграпура. Здесь, в шемских пустынях между Тураном, Хорайей и Хаураном киммериец стал предводителем шайки зуагиров и долгое время успешно занимался контрабандой и разбоем на караванных путях, нередко наведываясь и в Туран. Илдиз ничего не забыл, он считал делом чести наказать киммерийца, и не упускал ни единой возможности, отплатить варвару за убийство.

«Это была ошибка — открыто привести караван с награбленным в Замбулу. — Конан с сожалением покачал головой.»

Киммерийца узнали и тут же донесли наместнику. Хитрый туранский вельможа не стал поднимать шума в городе, опасаясь вызвать беспорядки, ведь у разбойников наверняка были здесь свои люди. Большой отряд туранской конницы под покровом ночи тайно вышел из города и на рысях ушел на запад. Продав награбленные товары, Конан и его шайка, обремененные тяжестью золота, довольные и беспечные, возвращались домой и угодили прямо в западню.

На этот раз чутье подвело киммерийца. Схватка была скоротечна и жестока. Конан бессильно заскрежетал зубами, вспомнив скольких своих людей он тогда потерял. Туранцев было втрое больше. Они напали внезапно, и прежде чем разбойники обнажили мечи, успели вырезать половину его отряда. Зуагиры — храбрые воины, но силы были слишком неравны.

Спасая остатки людей, Конан приказал отступать и бросился искать спасения в пустыне, куда, как он надеялся, туранцы сунуться побоятся. Но и тут он ошибся, противник стремился к полной победе и в течение нескольких дней преследовал разбойников по пятам.

Дважды Конан с горсткой отчаянных храбрецов оставался в засаде, давая остальным своим людям и раненым возможность оторваться от погони. Дважды туранцы попадались на его

хитроумные уловки, но для них это были лишь комариные укусы, болезненные, да, но не настолько, чтобы остановить их порыв.

И только приказав разбросать по дороге все вырученное от продажи золото, Конану удалось задержать преследователей.

Он разделил отряд на две группы, отправив раненых к ближайшему селению, а сам сделал все, чтобы привлечь к себе внимание турецев. Их командир благоразумно не стал разъединять свои силы и продолжал настойчиво преследовать киммерийца, с упорством охотничьей своры, идущей по следу загнанной добычи. Конан принял решение — его люди поодиночке рассыпались по горячим пескам, и только тогда туреццы прекратили погоню. Заранее обговорив место сбора, условились о встрече в оазисе Хамра — мало кому известном местечке, затерянном среди океана песков.

Конан добрался сюда первым и вот уже три дня ждал появления своих людей. Недобрые предчувствия не давали киммерийцу покоя, бездействие раздражало. И он бы не сидел здесь, сложа руки, если бы лошадь его не пала, на самом подходе к Хамре.

Зато теперь у него было мясо. Он нарезал конину тонкими ломтиками и завялил на солнце, приготовив запас себе впрок, — кто знает, сколько еще ему придется здесь пробыть...

Конан подцепил кинжалом с углем запеченный кусок конины и впился в него зубами. Мясо было уже с душком, но варвар не обращал на это внимания. Он отрешенным взглядом уставился на угли костра, погрузившись в невеселые размышления.

«Неужели все мои люди погибли... Все — и Хоэдин, и Абусин, и Рамани... Нет! В это невозможно поверить — пустыня их родной дом, и даже тысяча турецев не сможет поймать в этих барханах одного зуагира... Наверное, им пришлось уводить за собой погоню и делать огромный крюк, чтобы добраться сюда. Но три дня — срок достаточный?..»

Конан и не заметил, как съел весь свой ужин. Раскалившаяся за день от солнечного зноя земля, стремительно отдавала тепло непроглядной ночной темноте. Яркие звезды на фоне чернильного небосвода казались переливающимися россыпями драгоценных камней, с холодной безучастностью подмигивающих киммерийцу с высоты поднебесья.

Конан встал, сходил умыться к озеру и решил лечь пораньше спать.

«Сон лучшее лекарство от дурных мыслей», — справедливо рассудил он.

Устроившись на кошме, поближе к теплу костра, киммериец закрыл глаза и мгновенно заснул.

Он проснулся с рассветом, но не оттого, что не хотел больше спать, а от странного беспокойного чувства тревоги. Даже сквозь сон Конан уловил этот звук — то ли приглушенный конский всхрап, то ли неосторожное позвякивание удилами, но, чтобы то ни было, оставить его без внимания он не мог. С нечеловеческой быстротой варвар оказался на ногах, и встал во весь свой исполинский рост, не скрываясь, оглядывая предрассветный горизонт. Таиться и осторожничать не имело смысла, все равно бежать ему некуда. Разумнее сразу себя показать, не вызывая подозрения соглядатаев. Пусть знают, что он здесь один и не имеет враждебных намерений.

Кровавый солнечный диск показался краешком над ближайшими барханами. Тяжелые облака, словно слитки червонного золота, повисли над пламенеющим востоком. Почти сразу Конан заметил чеканный черный силуэт лошади с всадником на вершине песчаного холма, резко выделяющийся на фоне рассвета. Повернув головы, лошадь и человек пристально всматривались и оазис — животное, почувствовав близость воды, а человек в упор из-под руки смотрел на киммерийца. Затем к всаднику присоединилось еще двое верховых. Они о чем-то коротко посовещались и, подхлестнув коней, скрылись за противоположным склоном бархана.

Конан, в напряжении ожидавший развязки этой сцены, вздохнул с облегчением и принялся

раздуть подернутые пеплом угли костра.

Их было трое — он один, если бы ему угрожала опасность, они бы непременно напали. Но кто были эти внезапно появившиеся здесь всадники, киммериец не успел рассмотреть. Это точно не его люди и вообще не зуагиры, хотя, судя по одежде, кто-то из жителей пустыни, возможно, хауранцы — тогда он мог рассчитывать на помощь.

Сейчас Конан ждал появления каравана, поскольку не сомневался, что трое верховых были разведчиками — проводниками. Но как мог забрести караван в эти гибкие, проклятые богами пески, вдали от торных обжитых путей, оставалось для киммерийца загадкой?

Он не ошибся в своих предположениях.

Сначала киммериец услышал привычные звуки, что непременно сопровождают передвижение караванов: перекличку верблюдов, тяжелое похрапывание лошадей, утомленных долгим ночным переходом, бряцание оружия и амуниции, редкие гортанные окрики погонщиков, Конан даже узнал несколько слов на шемском и хауранском языках. Затем над барханами заклубилось облако пыли и показалась голова каравана.

Впереди шел вожак стада, громадный одногорбый самец с гордо поднятой головой, широкой мощной грудью, не обремененный тяжестью поклажи. Рядом с ним суетился маленький хауранец в длинном полосатом халате. Он прыгал вокруг величественно шествующего верблюда, хлопал в ладоши и звонко покрикивал, думая, наверно, что тем самым заставляет гиганта идти, но сильно ошибался на этот счет. Вожак уже давно почувствовал близость оазиса и ускорил шаги, а вслед за ним потянулся и весь караван Оазис — это вода, пища и долгожданный отдых, и старого опытного верблюда не надо было лишний раз подгонять.

Придерживая по бабки утопающих в песке лошадей, вперед вырвалась группа верховых, направляя коней прямо к Конану.

Киммериец поднялся им навстречу, в приветственном жесте вскинув руку, открытой ладонью наружу — в знак мира и гостеприимства. Не доехав шагов десяти, наездники придержали коней, четверо спешились, но остальные остались в седле. Кони беспокойно переступали ногами и нервно постригивали чуткими ушами, при виде чужака. Их неудержимо тянуло к воде, но крепкие, безжалостные руки наездников удерживали их на месте. Четверо шагнули вперед, открывая ладони в ответном жесте.

Двое шемитов с резкими обветренными чертами лиц, смуглокожих и черноглазых, и двое хауранцев с обтянутыми кожей, выступающими скулами высущенных солнцем мумий, с лицами, полуоткрытыми полотняными масками от песчаных бурь. От внимательных глаз киммерийца не ускользнула ни одна деталь: и то, что большинство воинов носили на себе следы свежих ран, усталость и скованность движений, их воспаленные покрасневшие от недосыпания глаза — все говорило о том, что они лишь недавно вышли из боя и провели всю ночь в седле.

Хотя в отряде было равное число хауранцев и шемитов, командовал караваном шемит, выступивший вперед. Он держался увереннее своих спутников и смотрел на Конана открытым изучающим взглядом, остальные лишь ждали, что скажет их командир.

— Да будут долгими твои годы, незнакомец, и пусть позаботятся боги об удаче на твоем пути, — произнес шемит на наречии жителей пустыни традиционную формулу приветствия, принял Конана по одежде за одного из кочевников-зуагиров. — Мое имя Варух, я командир охраны этого каравана, — и вслед за этим шемит по очереди представил остальных.

Варвар порадовался в душе, так как плохо знал язык шемитов и почти не мог связно изъясняться на гортанном наречии хауранцев.

— Пусть же и твой путь будет легким. Живи сто лет, почтеннейший Варух. Меня зовут Конан, но я не зуагир, я родом из далекой Киммерии — страны, что далеко на севере Хайбории, — соблюдая все правила вежливости, учтиво ответил варвар и жестом пригласил

воинов к своему костру.

Шемит о чем-то быстро заговорил с верховыми, махнув рукой в сторону приближающегося каравана, а сам вместе с тремя своими помощниками принял любезное приглашение киммерийца. Всадники с гиканьем понеслись навстречу верблюдам.

Гости чинно расселись на кошмах напротив хозяина огня. Конан взял глиняную чашу и, наполнив ее водой из тыквенной баклаги, отпил сам и передал в руки шемита.

Он проделал это еще трижды, пока каждый из воинов не испил воды из его рук. Пили они с достоинством, маленькими глотками, словно смаковали изысканное вино, но Конан видел, как предательски дрожали их руки, принимая от него воду.

«Да, немало им пришлось натерпеться в последние дни», — с жалостью подумал киммериец.

Затем последовало угощение, но вяленная конина не произвела на гостей впечатления, хотя каждый из них, чтобы не обидеть хозяина, сделал вид, что остался доволен. Зато сам Конан уплетал с аппетитом, которого не было у него уже несколько дней.

Наконец, с церемониальной часть было покончено и пришло время поговорить открыто.

— Да не сочтут почтеннейшие назойливостью мое любопытство. Но я был бы счастлив услышать рассказ о вашем путешествии, — первым заговорил Конан. — Как вы здесь оказались, ведь караванный путь в Туран лежит за много лиг к северу от этих мест?

— Ты прав, любезный хозяин. Мы сбились с пути из-за непогоды. Истинно, что это был гнев богов, наславших на нас ужасную песчаную бурю. Мы шесть дней шли по пескам, не ведая дороги, и только чудо привело нас в этот дивный оазис, — охотно отозвался Варух.

Его спутники согласно закивали головами.

— Прости нашу невежливость, Конан из Киммерии, но сейчас нам нужно идти и позаботиться о людях и животных, — продолжил Варух с низким поклоном. — Когда мы разобьем лагерь, приходи в мой шатер и будь нашим гостем.

— Понимаю, — Конан вежливо ответил на поклон шемита. — Надолго ли вы собираетесь остановиться в Хамре?

Гости уже поднялись и собирались уходить.

— Мои люди измотаны и истощены. Думаю дать им отдых два-три дня, — ответил Варух. — Я пришлю за тобой человека.

Шемит и его помощники ушли, не сказав больше ни слова. Конан устроился в тени финиковой пальмы и стал наблюдать, как расторопные шемиты и хауранцы разбивают лагерь.

Караван оказался большим, больше двух сотен верблюдов и сотни верховых. Их было так много, что маленький оазис едва смог всех в себя вместить. Возницы заставляли животных ложиться на землю и снимали с их натруженных спин громадные тяжелые тюки, разбивали шатры и расседливали лошадей. Все это они проделывали четко и слажено, так что на их работу было приятно смотреть.

Кто-то уже разводил костры, используя как топливо сухой лошадиный и верблюжий помет.

Небольшая группа воинов столпилась возле колодца, наполняя водой все имеющиеся в наличии емкости. Сперва люди напились сами, затем, когда животные остывли от скачки и изнурительной работы, напоили и их. Лошадей стреножили и пустили пасть на чахлой, пожелтевшей траве оазиса.

Верблюдам задали корм из запасов, привезенных с собой. Восемь человек, попарно, немного отдохнув, разъехались в пустыню по сторонам света, охранять подступы к лагерю.

Но больше всего Конана поразил старый слепой жрец, который, опираясь на плечо девочки-подростка, лишь только лагерь запестрел шатрами, обошел его вокруг с пением и молитвами.

Пока он пел, шемиты с опущенными к земле головами стояли на коленях, хауранцы, уважая

традиции своих спутников, на время побросали работу и молчаливой группой столпились в центре лагеря.

Такой странный обычай Конан видел впервые и никогда не слышал ни о чем подобном. При случае он решил обязательно расспросить о нем Варуха.

Когда обряд закончился, все вернулись к своим делам. Исстрадавшихся животных тянуло к воде, но хауранцы-погонщики строго следили, чтобы к озеру никто из них не приближался. Над кострами установили большие котлы на медных треногах, и вскоре Конан почувствовал щекочущий запах ароматной мясной похлебки с душистыми пряностями, отчего рот его тут же наполнился слюной.

Киммериец судорожно сглотнул и потянулся к вяленой конине, но сейчас вкус ее показался ему отвратительным.

Солнце неподвижно повисло над барханами и сразу стало нестерпимо жарко, даже в тени было трудно дышать от палящего зноного воздуха. Но Конан, не двигаясь с места, сидел и терпеливо ждал. Он сидел, наблюдая, как укорачиваются отбрасываемые пальмами тени, и как неистовее переливается марево над песками.

Люди в лагере потянулись к котлам, рассаживаясь вокруг костров тесными группами. Конан заметил, как между шатров с суровым видом прошел Варух и скрылся в своей палатке.

К полудню за киммерийцем пришел человек, низко поклонился и предложил варвару проследовать за ним.

Конан с высоко поднятой головой прошел за шемитом сквозь весь лагерь, провожаемый пристальными взглядами караванщиков, и оказался в просторном шатре Варуха.

Старший поднялся ему навстречу и с любезной улыбкой предложил место рядом с собой. В шатре из сборного деревянного каркаса, обтянутого верблюжьими шкурами, было на удивление прохладно. Свежий воздух проникал сквозь приоткрытый дверной полог и круглое отверстие под потолком. На земле лежали обычные у кочевников кошмы, а в центре красовался пестрый туранский ковер, который заменял гостям стол на время пира.

Поджав под себя ноги, в шатре сидело четверо мужчин: помощники Варуха и слепой жрец. К своему искреннему удивлению, за одним столом с мужчинами на шелковых подушках расположилась молодая девушка-шемитка, одетая, как воин.

— Входи же, Конан, и чувствуй себя среди друзей, — подбодрил киммерийца шемит. — Позволь представить тебе моих спутников — жреца Товия и принцессу Мерову. С остальными ты уже знаком. Наш гость — Конан из Киммерии, страны, о которой я только и знаю, что она где-то очень от нас далеко.

Конан неловко поклонился слепому жрецу и девушке, и устроился по правую руку от Варуха. Присутствие женщины, пусть даже принцессы, за мужским столом немного смущало киммерийца, привыкшего к иным обычаям, бытующим у зуагиров. Девушка сидела слева от шемита, и варвар не мог ее рассмотреть, чтобы не показаться невежливым.

Принесли еду: огромное деревянное блюдо с еще дымящейся вареной бараниной, не первой свежести ячменные лепешки, горячий ароматный бульон со специями в глиняных кружках, немного овощей и фруктов и здоровенный кувшин верблюжьего молока.

— Почтенный Товий, благослови нашу пищу, — смиренно попросил Варух, приложив руку к сердцу.

Жрец, а был он человеком крепким и тучным, наверняка, любящим хорошо покушать, не заставил себя уговаривать. Возведя слепые глаза к потолку, он быстро прочитал молитву на незнакомом киммерийцу языке, провел рукой над столом, и на этом ритуал был закончен.

Все, сбросив на время свой важный вид, с аппетитом набросились на еду, орудуя руками и кинжалами. Маленькая девочка, которую Конан и не заметил, ухаживала за слепым жрецом,

впрочем, не забывая и о себе. Конан ел за троих, ничуть не стесняясь своего обжорства: принимать в своем жилище гостя с таким завидным аппетитом — большая честь для хозяев.

Наконец, все наелись и устало отвалились от стола. Хауранцы, как это у них заведено, выражая свой восторг, съто рыгали. Под фрукты появилось легкое вино, и все удобно разлеглись на кошмах, с наслаждением потягивая прекрасный напиток.

Набитые тугие животы развязали гостям языки, и вскоре между Конаном и караванщиками завязалась непринужденная мирная беседа.

— Признаться, встретив человека в этом оазисе, Конан, мы приняли тебя за демона пустыни, — дружелюбно хохотнул Варух. — Один, здесь, за много лиг от людей. У тебя нет ни коня, не верблюда — что случилось с тобой, киммериец?

— Здесь нет тайны — конь мой пал. Я долго жил среди зуагиров, и боги были милостивы к нам, пока на селение не напали туранцы. Мы сражались, но врагов было больше... Погибли все, остался я один. За мной гнались, и я все дальше и дальше уходил вглубь пустыни, стараясь сбить преследователей со следа. Наткнулся на этот оазис, о котором уже слышал раньше, и ждал три дня, пока не появились вы.

— Что ж ты теперь собираешься делать? — спросила принцесса по-зуагирски.

Конан жалел только, что не успел поймать ее взгляд.

— Я видел — у вас много свободных лошадей. Продайте мне пару и немного зерна, — направим предложил киммериец, вызвав оживление среди хауранцев и, не зная как истолковать набежавшую на лица шемитов тень.

— Обсудим позже этот вопрос, — ушел от ответа Варух.

— Это значит — нет? — Конан гордо вскинул голову и обвел присутствующих вопросительным взглядом.

— Если бы я сказал нет, у тебя бы не было причин повторять свой вопрос, Конан из Киммерии, — в голосе шемита варвар почувствовал железные нотки. — Ты хорошо знаешь местность?

— Я знаю пустыню на сто лиг вокруг, — Правдиво ответил киммериец.

— Тогда мы вернемся к этому разговору, — пообещал Варух, смягчившись. — Где, по-твоему, сейчас могут быть те туранцы, что напали на вас?

— Они гнались за мной, но потеряли. Думаю, их отряд где-то недалеко отсюда. В дневном переходе к западу есть оазис Азмавет, оттуда начинается караванный путь в Замбулу. Не сомневаюсь — они сейчас там.

— Их много?

— Было сотни две, — просто ответил варвар. Когда Варух перевел слова Конана хауранцам, меж караванщиками завязался оживленный разговор, и по тону проводников киммериец почувствовал их недовольство.

— Почтенный Варух, — отбросив церемонии, встярал Конан в их беседу. — Ты задал свои вопросы, позволь и мне тебя спросить.

Шемит смерил киммерийца долгим пристальным взглядом и согласно кивнул головой.

— Ты ведешь большой караван. Могу ли я узнать, откуда и куда вы идете?

— Мы вышли из Эрука и следуем в Замбулу с грузом соли, — коротко ответил шемит.

— Хороший товар. — Конан одобрительно покачал головой. — Сейчас, когда Турен готовится к войне, вендицы запретили купцам ввозить соль в страну. Вас ждет богатая прибыль. Но ответь мне еще на один вопрос — кто напал на вас по дороге?

— Ты наблюдательный человек, Конан, — с плохо скрываемым раздражением отметил Варух, — и задаешь слишком прямые вопросы.

— Если здесь есть какой-то секрет, то прошу меня извинить. Но мудрецы говорят, что

умные люди не обижаются на слова, если они идут от разума или от сердца, — с вызовом парировал киммериец.

Варух побледнел, и тяжело задышал. Даже без перевода хауранцы догадались, что происходит что-то неладное. В шатре повисло напряженное молчание.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в разговор не вмешалась принцесса:

— Варух, наш гость прав. Прости нас, Конан. Какие тут еще секреты: на нас напали разбойники, и как ни грустно — они были нашими соплеменниками, шемитами. Я удовлетворила твое любопытство? — сухо спросила Мерова.

Принцесса повернулась к киммерийцу, и варвар невольно залюбовался ею.

Смуглая кожа казалась нежнее шелка, словно солнце и ветер щадили ее, живые карие глаза алмазным блеском сверкали из-под тонких дуг бровей, очерченные линии девичьих алых губ и совершенная форма высокой груди зажгли огонь в душе киммерийца.

Конан почтительно поклонился.

— Варух, я хочу, чтобы ты немедленно извинился перед гостем за свою вспыльчивость, — строго потребовала она.

Не слишком довольный шемит, что-то неразборчиво промычал себе под нос и в знак примирения протянул киммерийцу руку. Конан пожал сухую крепкую ладонь воина.

«Очень необычно — здесь всем командует женщина! Теперь понятно, почему она в этом шатре.»

Он с самого начала не воспринимал принцессу всерьез. Ну, везут девушку, наверняка, богатую невесту, чтобы выдать за какого-нибудь заморского принца — дело житейское. Но походы и войны — занятие мужчин, тем более у жителей пустыни.

— Если у тебя нет больше вопросов, Конан из Киммерии, — продолжала принцесса, — то могу ли я просить тебя рассказать нам о твоей далекой стране?

— С удовольствие, госпожа, — с готовностью откликнулся варвар. — Только накинь на себя что-нибудь потеплее.

— Это зачем? — девушка удивленно вскинула длинные ресницы. И все присутствующие с вытянутыми физиономиями застыли в ожидании ответа варвара.

— Просто, когда речь заходит о моей родине, где зимы продолжительны и суровы, а лето так коротечно, что его почти не замечаешь, о глубоких снегах и не тающих высокогорных ледниках — людям часто становится холодно, — с учтивым поклоном пояснил киммериец.

Принцесса смущенно улыбнулась и отвела взгляд в сторону.

— Такой гость — честь хозяину, — добродушно посмеиваясь, вступил в беседу слепой жрец. — Ты нас заворожил своим предисловием — каков же тогда будет рассказ?

И Конан рассказал, сам удивляясь своему красноречию, заставив слушателей с открытыми ртами ловить каждое его слово.

Так пролетел этот день, в конце которого Конан со своими нехитрыми пожитками, перебрался в шатер Варуха и стал его гостем на все время отдыха каравана.

Прошло три дня. Люди отдохнули, повеселились. Конан все еще ждал своих зуагиров, но с каждым днем надежды его таяли и таяли. Он бездельничал, досытая ел и не тяготился положением гостя. Вечерние беседы в шатре Варуха всегда собирали известное по первой встрече общество и скрашивали его скуку.

Он ладил с караванщиками, заводил с ними разговоры, пытался расспрашивать, но на большинство его вопросов шемиты и хауранцы лишь виновато улыбались и вежливо уклонялись от ответов.

Немало времени Конан проводил со слепым жрецом и принцессой, и с момента первого знакомства даже усилил их впечатление о себе.

Мерова нравилась киммерийцу — смуглая, чернокосая, с огромными карими глазами дикой серны, стройная с изящной походкой, что даже мужской костюм не мог скрыть всех ее женских прелестей. Живая, умная и любознательная — хотя на людях всегда строгая и рассудительная. Ее тянуло к киммерийцу, но девушка боялась открыто показывать свои чувства.

Лишь одно казалось Конану необычным — фанатичная набожность караванщиков. Каждый день начинался с молитвы и ей же заканчивался. Шемиты собирались все вместе, падали на колени и Товий своим густым сочным голосом распевал гимны над их непокрытыми головами, благословляя на дневные труды. А каждый вечер в честь неизвестного божества — Конану не удалось выяснить, кому поклоняются эти люди, — приносились жертвы на ритуальном костре и пелись благодарственные гимны за еще один подаренный день.

Как-то Конан выразил свое желание присутствовать на утренней службе, но Товий строго воспротивился, объяснив, что их бог запрещает посвящать в таинство обряда иноверцев.

Солнце уже клонилось к закату. Киммериец сидел на берегу озера и пытался соскоблить щетину отточенным, как бритва, лезвием меча.

Вдруг с северной стороны, нещадно нахлестывая лошадей и что-то еще издали крича, показались двое разведчиков. Люди бросали свои дела, высекали из шатров и замирали в суровом молчании, ожидая их приближения.

Вскоре все разъяснилось — большой конный отряд туранцев на рысях шел в сторону оазиса. Караванщики бросились за оружием, и лагерь превратился в базарную площадь.

Шем находился в состоянии мира с владыкой Турана, но жители пустыни не доверяли Илдизу. Конные отряды туранцев нередко совершили глубокие рейды в эти погибельные места, и при случае не брезговали разбоем на караванных путях. Да кто осудит победителя, если о нем будет некому рассказать. Пустыня быстро уничтожит все следы.

Люди спешно седлали лошадей и загоняли недовольных верблюдов внутрь лагеря. Слепой жрец, Мерова и Варух стояли у центрального шатра, шемит резким криком отдавал приказы, которые караванщики выполняли с невероятной быстротой. Двадцать верховых хауренцев ушли на восток и скрылись в барханах. Конан встал и широким шагом направился к ним.

— Собираетесь драться с туранцами? — спросил он.

— Нет. Просто мы принимаем меры предосторожности, — ответил шемит, стараясь не встретиться с ним взглядом. — Сперва узнаем, что им нужно.

— Не сомневаюсь — они ищут меня. — Варух и принцесса старательно отводили глаза, и только Товий смотрел в сторону киммерийца безучастным взглядом.

Конан догадался, что его ждет, если туранцы потребуют его выдачи. Законы гостеприимства тоже имеют свои границы.

— Дайте мне коня и я исчезну...

— Нет. Это ничего не изменит. Мне жаль, Конан... — Варух решился заглянуть в глубину его льдистых глаз и с облегчением вздохнул, встретив спокойный беззлобный взгляд варвара. — Ты должен нас понять...

— Я понимаю.

— С тобой будут наши молитвы, хоть это и слабое для тебя утешение, — вставил жрец, с сожалением покачав головой.

Конан невесело усмехнулся.

— Не вмешивайтесь, когда это начнется. Ответом ему было молчание.

Но судьба распорядилась по иному.

Колонна туранцев — около сотни верховых, словно серебристая змейка, переливаясь на солнце начищенной сталью доспехов, показалась из-за барханов. Их командир, ехавший впереди, заметил оазис и лагерь, расположившийся в нем. Он поднял руку, и колонна послушно замерла.

Тут же от отряда отделились десятники и направили лошадей к голове колонны. Недолго длился их совет.

Десятники вернулись к своим людям, резкий взмах руки старшего начальника, и конница рассыпалась по равнине, точно ожившая вода, охватив оазис широким железным полукольцом.

Сначала всадники пустили коней шагом, но постепенно перешли на рысь и, наконец, расстелились по пескам в неудержимом галопе, опустив копья с тонкими жалами наконечников.

Знаменитые на всю Хайборию луки оставались в чехлах, притороченных к седлам — зачем портить товар и рисковать жизнью выночных животных.

Шемиты с мрачными лицами спокойно наблюдали за приближением конной лавины. Они рассредоточились по периметру лагеря, прячась за шатрами и ничего не подозревающими верблюдами.

Глаза их светились холодной решимостью. Руки привычно накладывали стрелы на тетивы, будто караванщики не ведали другого ремесла, кроме воинского.

Варух, принцесса и Товий ушли к своим людям. Киммериец в одиночестве остался стоять в центре лагеря. Противоречивые чувства боролись в его душе.

«Вскочить на коня и бежать — никто меня не осудит, — думал он. — Но украсть лошадь у людей, которые были ко мне добры? Нет! Что с того, что они могли выдать меня, на их месте я поступил бы также...»

Он знал, что не сможет остаться в стороне от общей драки.

Конан с презрением посмотрел на грозную с виду конницу туранцев и посмеялся в душе.

«О чем только думает их командир? Любой мальчишка знает, что лошади не переносят дух верблюдов. На что же они рассчитывают?»

Киммериец окинул лагерь взглядом опытного воина — подступы надежно защищены, только с правой руки, где хауранцы держали своих лошадей, оставался свободный проход. Именно туда Конан направил свои шаги.

Случилось все так, как и предполагал варвар. Кони туранцев почувствовали верблюжий запах и заупрямились, не желая повиноваться своим седокам. И в этот момент их накрыло волной шемитских стрел. Несколько человек и животных свалилось на горячий песок. Но прочные доспехи надежно защищали всадников, а их мастерство наездников, поражало даже искушенных в этом деле знатоков.

Сотник тут же понял свою ошибку. Над молчаливой пустыней завибрировал высокий звук сигнального рога. Лавина конницы послушно развернулась и пошла по кругу, огибая лагерь с двух сторон. Резко щелкали луки шемитов, но слишком редко их каленые стрелы находили лазейку в стальных туранских доспехах, и каждый удачный выстрел приветствовался караванщиками радостными криками.

Безразличные к человеческим забавам верблюды почувствовали близкий запах крови и сперва лишь тревожно вертели головами, но уже скоро заволновались серьезно. Туранцы подняли невообразимый гвалт, их вопли пугали ничего не понимающих животных. Верблюды во главе с вожаком предприняли попытку уйти подальше от такого шумного соседства, и шемитам лишь с превеликим трудом удалось удержать их на месте. В обороне лагеря появились провалы, куда незамедлительно хлынули потоки стальной туранской конницы.

В этот момент первые всадники достигли прохода, где занял место Конан и резко развернули коней в его сторону. Варвар без тени страха встал на их пути, пытаясь заглянуть в глаза несущемуся прямо на него туранцу. Он не спеша достал свой меч и отвел клинок за правое плечо для удара.

Расстояние между ним и противником стремительно сокращалось. Всадник с лошадью казались слившимся воедино громадным чудовищем, длинный зазубренный наконечник копья

зловеще покачивался в такт безудержному галопу, на уровне груди киммерийца.

И вот уже их разделяет только миг — миг между жизнью и смертью. Конан не стал его ждать — удача улыбается тому, кто сам берет судьбу за горло.

Он упал на одно колено, ускользая из-под удара, и рубанул лошадь по ногам. Благородное животное с отчаянным ржанием перевернулось через голову вместе с седоком, чуть не задев копытом киммерийца, и с хрустом ломающихся костей рухнуло на песок, подминая всадника под себя. Второй турец был вырван из седла, нанизанный на меч киммерийца, словно баран на вертел. Еще бившаяся в агонии лошадь и заминка, вызванная гибелью второго воина, заставила остальных нападающих попридержать скакунов.

Туранцы сгрудились в проходе беспорядочной толпой, силясь обуздить разгоряченных скакой, закруживших на месте коней.

Конан выиграл несколько мгновений и получил преимущество для атаки. Он рубил, как заправский мясник, разя врагов в незащищенные спины, не обращая внимания на глубокие царапины, оставляемые на его теле копьями всадников. Просторные белоснежные одежды варвара стали пурпурными от пролитой крови, своей и чужой. В один миг проход оказался завален грудой человеческих и конских тел, казавшейся огромным клубком сцепившихся змей.

Стонущие раненые пытались отползти в сторону и попадали под копыта обезумевших животных. Хриплое конское ржание, человеческий вой, звон стали и причитания раненых, слились в одну ужасную мелодию, сладостную для слуха варвара. Эта музыка битвы — древняя как сам человеческий мир — пьянила киммерийца сильнее лучших аквилонских вин. И, не осознавая того, он подпевал ей на родном языке.

Киммериец издал боевой клич, и от крика варвара, содрогнулись грозные раскаленные барханы, испуганно прынули прочь обезумевшие кони, унося потерявших над ними контроль седоков.

Конан остался один посреди десятка изрубленных конских и человеческих тел. Если бы только у него был конь — он, не задумываясь, пустился бы в погоню за врагом. Кровь бешено колотилась в висках киммерийца, шум битвы все еще стоял у него в ушах, но вот, постепенно, в сознание варвара стали проникать и другие звуки — бой еще не закончен, хотя свою часть Конан выиграл.

Шемиты дрались с волчьей яростью: только смерть могла вырвать их из боя. С огромным трудом и потерями туранцам удалось прорвать их оборону в нескольких местах и ворваться внутрь лагеря. Десятка полтора всадников носилось между шатров в погоне за ищащими спасения людьми. Но большая часть шемитов стойко удерживала свои позиции, хоть и истекала кровью.

Конан поднял обрубок копья и бросил в ближайшего туранца. Наконечник пробил шею воина и всадник, широко раскинув руки, неуклюже повалился на круп лошади, а киммериец уже подбирался к следующему.

В сплошном кольце врагов отчаянно бились Варух и принцесса во главе небольшого отряда шемитов. Вокруг них вырос настоящий вал из мертвых тел. Лицо караванщика пересекал длинный шрам, и кровь заливала ему глаза, но руки все еще крепко сжимали два меча, без устали разящие своих врагов. Мерова, словно тигрица, защищающая тигрят, с тонким изогнутым немедийским клинком, уже вкусившим туранской крови, прикрывала спину шемита.

Конан сделал всего шаг в их сторону, но внезапно замер, услышав знакомое пение Товия. Громкий чистый голос жреца рвался к лазурному своду небес, перекрывая все другие звуки.

Он стоял возле входа в свою палатку и голыми руками душил туранского десятника, тщетно пытающегося вырваться из медвежьих лап жреца. У ног сцепившихся бойцов лежало бездыханное окровавленное тело девочки, присматривавшей за старым Товием.

На помощь своему командиру бросилось сразу трое спешившихся туранцев, и быть бы тому изрубленным на куски, если бы не Конан. Он так внезапно появился перед ними, что двое умерли раньше, чем успели заметить своего нового противника.

Третий громко закричал, призывая кого-нибудь на подмогу, и смело бросился на киммерийца. Мечником он оказался ни на что негодным — сила туранцев в конном строю.

Конан свалил его парой ударов и оглянулся по сторонам в поисках врагов.

И тут с диким гиканем в оазис ворвалась орда хауранцев, ударив неожиданно по рассеявшимся по всему лагерю и уже предвкушающим победу туранцам. Слишком поздно взревел рог, собирая под командирским значком занятых грабежом солдат.

В следующий миг сигнальщик упал, захлебываясь собственной кровью. В один момент победа туранцев стала их полным разгромом.

С смертью сотника битва превратилась жестокую бойню, где туранцам отводилась роль жертвенного скота.

Ни один из них не ушел живым с поля боя.

Шемиты были угрюмы и далеки от мысли ликоваться по поводу победы — их осталось так мало. Пока караванщики занимались своими ранеными, хауранцы развлекались грабежом.

С серьезным, деловитым видом они, как трудолюбивые пчелы, переходили от тела к телу, если надо, то добивая раненых туранцев коротким ударом кинжала по горлу, и раздевали трупы почти догола.

За добрые туранские доспехи всегда можно получить хорошую цену. Они обрезали большие пальцы рук своих врагов, нанизывая их, словно бусы, на длинные нити — свидетельство их воинской доблести.

Шемиты отводили взгляды, но с терпением относились к дикарским обычаям своих союзников. Немногочисленных раненых соплеменников, если те не могли подняться на ноги, хауранцы добивали с тем же холодным равнодушием.

— Ты жив, киммериец? — Конан медленно повернулся на голос Товия. — Благодарю, ты спас мне жизнь.

— Как ты узнал, жрец, что это я? — хрипло спросил его варвар.

Старый Товий печально улыбнулся.

— Ты что-то кричал на своем языке.

Конан кивнул, теряя к разговору интерес, заметив приближение Варуха и принцессы в окружении нескольких воинов.

— Ты храбрый человек, Конан, — отплевываясь кровью, сказал шемит. — Я видел, как ты драли... там, один. — Он неопределенно махнул рукой. — Возьми любых трех лошадей, Конан из Киммерии, и зерна, сколько смогут они унести. Чем еще мы можем тебя отблагодарить?

— Этого будет достаточно, — коротко ответил варвар.

— Куда ты направишься, Конан? — спросила Мерова, и голос девушки предательски дрогнул.

— Пока еще сам не знаю... Сперва доберусь до ближайшего селения зуагиров, а там будет видно.

Принцесса и Варух многозначительно переглянулись.

— Ты мог бы пойти с нами, Конан. Помоги нам доставить груз в Замбулу. Клянусь, мы не пожалеем золота, чтоб расплатиться с тобой. Нас осталось так мало, а впереди еще столько опасных переходов. На счету каждый меч, но о таком великом воине, как ты, мы не смели бы даже мечтать.

Конан серьезно задумался над предложением шемита, взвешивая все за и против.

«Сейчас меня по всей пустыне ищут туранцы и будут искать еще долго. А меньше всего, где

меня могут ждать — это в Замбуле. Отличная мысль!»

— Если ты согласишься, Конан, то кроме золота я смогла бы добавить и кое-что от себя... — вставила Мерова с загадочной улыбкой.

«Звучит многообещающее», — ухмыльнулся про себя киммериец.

— Хорошо, вы можете рассчитывать на мой меч, — ответил он.

— Рад, что ты с нами, Конан. — Варух протянул руку, и варвар крепко сжал ладонь шемита, под одобрительный гомон караванщиков.

Стервятники сидели поодаль на барханах, и нетерпеливый вид хищников, никак не вязался с низкими свинцовыми облаками. Убитых вывезли в пустыню — пройдет совсем немного времени, и пески надежно спрячут их тела, об остальном позаботятся солнце и ветер.

Эту ночь и последующие Конан провел в шатре принцессы, тайно проникая туда под покровом темноты.

Два дня таинственная улыбка не сходила с лица киммерийца, на что Варух неодобрительно что-то ворчал и не спускал с варвара подозрительных глаз, но, несмотря на все старания, поймать Конана с поличным так и не смог.

Два дня ушло на сборы и залечивание ран. Но вот, наконец, караван смог выступить, и длинная цепочка верблюдов еще задолго до рассвета потянулась из оазиса.

Рассвет застал их в пути, когда уже скрылись из виду сиротливые силуэты стройных пальм. Удивительно чистое высокое небо излучало сухой нестерпимый зной. Солнце отражалось от раскаленных белых песков и слепило глаза. Рассеявшаяся к полудню облачность над горизонтом открыла вид на бескрайнее море пустыни, где край земли сливался с небосводом через зыбкое, постоянно меняющее форму и потому обманчивое, призрачное марево.

Огромные волны барханов, словно океанские валы, накатывались друг на друга и мерно дышали раскаленным жаром, обжигающим ноги даже сквозь подошвы сапог. Люди укрывали от палящих лучей солнца лица, так что из-под масок сверкали лишь одни глаза, и смазывали руки верблюжьим жиром, иначе кожа в два счета покрывалась ожогами. От нестерпимой жары лошади нервничали и не желали повиноваться. Только верблюды, равнодушные к зною, покорно брели за вожаком и с бесстрастными мордами пережевывали свою жвачку.

Работы было много, а людей не хватало. Из всего отряда шемитов осталось меньше половины. Нескольких тяжело раненых привязали к седлам и вели их лошадей в поводу. На первом же переходе одного из них потеряли, и хмурые шемиты унесли тело в пустыню, проститься со своим соплеменником. Хауранцы, вышедшие из битвы почти без потерь, были заняты разведкой и поиском торных дорог, надолго исчезая в песках и появляясь только в случае важного сообщения.

Конан нашел свое место среди разведчиков. Он немного знал эту часть пустыни и точно помнил, что если идти строго на восток, они должны достигнуть караванного пути, где есть колодцы и пригодные для стоянок места.

Хауранцы хотя и честно выполняли свою долю работы, с некоторым презрением относились к шемитам. Киммерийца они сразу приняли за равного, уважая его как воина и благородного по их диким понятиям человека. Вековая вражда с зуагирами ограничивалась у них взаимной резней и набегами, но никогда не перерастала в продолжительные войны.

Они умели ценить мужество и храбрость своих врагов, к тому же Конан не был зуагиром, хотя и жил среди них. Варвар с благодарностью принял дружбу хауранских вождей и сразу стал одним из них. Ходить в глубокие рейды в пустыню было приятней его свободолюбивой натуре, чем скучная размеренная жизнь среди погонщиков и верблюдов. Немного огорчили разлуки с принцессой, но тем приятнее случались их встречи

Тропу разведчики обнаружили вечером, когда уже померкло на западе полыхающее

огненное зарево, сбежали краски с низких облаков и небо стало фиолетовым в преддверии ночи. Ноги тысяч и тысяч людей, лошадей и верблюдов за века утоптали песок, превратив его в грубый наст, будто неведомые строители специально пробили дорогу среди гордых барханов.

Неправильными темными пятнами на фоне белых песков пустыни выделились участки с чахлой растительностью, свидетельствующие о близости воды. Толстые и тонкие, уродливо кривые ветви верблюжьей колючки лежали прямо на земле, и только желтизна коры отличала живые растения от пепельно-серых погибших собратьев.

Через пару-другую сотен шагов нашли и колодец — то была обложенная грубым камнем яма, заботливо прикрытая деревянной крышкой, обитой выцветшей на солнце кожей. Рядом на длинной волосяной веревке валялось кожаное ведро, полузасыпанное песком.

Отправили двух человек поторопить караван и сообщить Варуху о богатой находке. Дорога позволит им двигаться втрое быстрее и избавит от долгих и изнурительных поисков воды. Хауранцы оживленно болтали и с наслаждением пили немного солоноватую теплую воду. Караван пришел лишь в середине ночи. Конан даже не догадывался, что они так далеко оторвались вперед.

Если бы на него напали разбойники, им было бы чем поживиться. Человек тридцать шемитов и столько же хауранцев-погонщиков, и тех немногих разведчиков, что без устали кружили вокруг каравана, предупреждая любые опасности, едва ли могли представлять собой серьезную силу.

Но теперь, когда найдена дорога им больше нет нужды разделяться.

На пятый день пути их нагнала разбойничья шайка шемитов и попыталась отбить товар. Это случилось во время перехода, и прежде чем удалось собрать всех людей, разбойники успели зарезать несколько десятков верблюдов и перебить погонщиков, находившихся с ними. Летучий отряд конных хауранцев, с которым был и Конан, обрушился на них во время бойни. Бой был скоротечен и дорого стоил обеим сторонам. Киммериец дрался в первых рядах и во многом благодаря ему караванщикам досталась победа. Ни с чем разбойники убрались в пустыню, ушли не спеша и гордясь собой, выкрикивая проклятия и угрозы, ведь все равно их никто не преследовал. Поклажу с погибших животных распределили по оставшимся верблюдам, и караван продолжил свой путь.

Очень скоро выяснилось, что разбойники повисли на хвосте каравана и, словно стая голодных волков, идущая за обессилевшей антилопой, шли по их следу.

Все предпринятые Варухом попытки отогнать их прочь не увенчались успехом. Негодяи избегали вступать в честный бой и прятались в барханах, но всякий раз возвращались и продолжали преследование. Несколько днями позже к ним присоединилась еще одна шайка, более многочисленная, и ночью они вновь атаковали лагерь караванщиков. На этот раз шемиты приготовились к бою и встретили разбойников градом стрел. Нападение отбили, но аппетит бандитов от этого не убавился.

Конан с двумя хауранцами выехал на вершину бархана и сразу увидел разбойничий отряд.

— Клянусь всей водой в пустыне, их стало еще больше! — удивленно воскликнул киммериец.

— Ты прав, Конан, — встревожено отозвался один из его товарищей. — Надо уходить, они нас заметили.

От огромного отряда бандитов, примерно в двести сабель, с сотнями сменных лошадей, отделилась группа всадников и с гиканьем помчалась к разведчикам. Еще несколько мгновений Конан наблюдал за приближающимися разбойниками, а потом подхлестнув коней, разведчики пустили их в галоп по мертвой пустыне, не обращая внимания на усилившуюся жару.

К вечеру, когда спал дневной зной и караван готовился встать на ночевку их снова

атаковали. И лишь благодаря самоотверженности шемитов и храбрости хауранцев грабителей удалось отбросить. Но этот бой стал началом гибели каравана на его кровавом пути.

Разбойники пошли на крайние меры. Разделившись, они продолжали терзать набегами караван, довольствуясь короткими стычками. Второй отряд ушел вперед и отравил источники воды на расстоянии трех дней пути — неслыханное и самое ужасное преступление, по мнению жителей пустыни. Такими подлыми способами ведут войны только захватчики, и нередко сами становятся жертвами своей недальновидности. На долю караванщиков выпали тяжкие испытания.

Конан еще после первой же схватки с разбойниками глубоко задумался над случившимся. Он никогда не слышал о шемитских шайках, никогда не слышал о том, чтобы шемиты с такой яростью дрались друг с другом. И то, с каким упорством преследовали они караван, отравленные колодцы, наконец, — все наводило варвара на странные мысли.

Поведение преследователей удивляло и беспокоило киммерийца. Грабители не старались захватить добычу, они пытались уничтожить караван, остановить любой ценой, не дать уйти... Нет, это не простые разбойники! Но кто же тогда?

Он пробовал делиться своими мыслями с Варухом и Меровой, но ничего нового от них не узнал. Однако вряд ли киммериец дожил бы до своих лет, если бы жизнь не научила его разбираться в людях. Шемит не слишком умело скрывал свою озабоченность, посмеиваясь над подозрениями варвара и всякий раз уводил разговор в сторону, а женский арсенал принцессы был так богат и разнообразен... Против нежности и ласк Конан не возражал, но неотвязное беспокойство покидало варвара лишь на время.

Варух дал приказ оставить торный путь, и караван, повернув на юго-восток, углубился в пустыню. Конан счел это настоящим безумием, но к великому удивлению киммерийца, оказалось, что шемиты хорошо знают дорогу и все источники воды наперечет, чего нельзя было сказать о преследователях. Для них этот маневр явился полной неожиданностью. Постоянные набеги на караван стали реже, целыми днями разбойники рыскали по пустыне в поисках воды. Но эти редкие атаки становились все продолжительнее, яростней и кровопролитнее. Человеческих рук не хватало ни для ухода за животными, ни для того чтобы держать мечи и луки. Все устали и просто валялись с ног, и даже верные своему слову хауранцы открыто начали роптать.

Чем дальше уходил караван, тем яснее становилось варвару, что идут они вовсе не в Туран и тем более не в Замбулу. Даже вынужденно, ни один человек, будучи в здравом рассудке, не стал бы давать такой крюк. Там впереди были горы — такие далекие и гибкие места, что люди боялись говорить о них вслух. Но не это беспокоило киммерийца. Он чувствовал, что шемиты что-то скрывают, и упорно не хотят выдавать своих тайн. Конан был не из тех, кто любит совать нос в чужие секреты, но не мог терпеть лжи, ложь — первый шаг на пути к предательству. Конечно, тяжелая седельная сумка, набитая доверху мелодично звенящим серебром, весьма веский довод в пользу того, чтобы держать язык за зубами, но быть куклой в чужих руках, киммериец не привык. В конце концов, он каждый день рискует своей жизнью, а это дает ему право знать правду!

Разбойники напали под утро. Выкатившееся из-за барханов солнце было защитникам лагеря прямо в глаза, и не давало вести прицельную стрельбу. В дело пошли мечи и кинжалы. Казалось, бандиты бросили на караван все свои силы. Их было так много, что в один миг они захлестнули весь лагерь, и вся оборона шемитов распалась на отдельные участки ожесточенного сопротивления.

Люди с самозабвением резали друг друга на куски. Тысячелетняя пустыня со страхом внимала ревущему шуму битвы, который распугал всех змей и скорпионов на много лиг вокруг.

Горячие белые пески покраснели от изобилия пролитой крови.

Караванщики дрались отчаянно и умирали один за другим, под натиском превосходящего их противника. Даже лошади заразились безумием людей, кусая и давя копытами всех, кто только попадался у них на пути, не разбирая своих и чужих.

Конан тоже рубил и колол, пока вдруг неожиданно не остался совсем один среди стонущих изувеченных людей, корчащихся на песке. Он издал свой боевой клич, и вызов был услышан. От ближайшей группы намертво сцепившихся воинов отделился огромный шемит в разодранном халате и с громким криком бросился на киммерийца. Глаза разбойника налились кровью, изо рта текла пена и падала ему на голую грудь, разорванные полы халата, словно крылья, развивались за его широкой спиной.

Варвар отступил в сторону и нанес рубящий удар в незащищенный живот шемита. С захлебывающимся стоном разбойник перелетел через меч и неподвижно рухнул у ног киммерийца.

Следующих двоих Конан просто скосил, как траву, и замер с поднятым над головой окровавленным мечом, готовый отразить новую атаку.

Но охотников помериться с варваром силой больше не нашлось.

К великому изумлению и разочарованию киммерийца бандиты спешно отступали.

Они так торопились спастись, что готовы были бежать пешком, забыв о лошадях, которых во множестве бродило по разоренному лагерю. Но их никто не собирался преследовать, даже воинственные хауранцы. Немногие оставшиеся в живых защитники просто попадали на песок от усталости и бесчисленных ран.

Конан увидел Мерову, склонившуюся над окровавленным телом Варуха и поспешил к нему. — Жив? — еще издали спросил варвар. Варух с трудом приоткрыл один глаз и посмотрел на киммерийца, вторая половина лица была превращена в ужасное месиво. Шемит счастливо улыбался.

В это время призывно запел Товий, собирая верующих на утреннюю молитву. Шатаясь, превратившиеся в тени люди, потянулись к жрецу. Четверо подняли Варуха на руки и понесли с собой.

С ними ушла и принцесса, лишь раз оглянувшись на Конана через плечо.

Хауранцы тоже зашевелились и занялись привычным грабежом. Они не резали больше больших пальцев с рук убитых врагов, на шнурках уже не оставалось свободного места.

Киммериец подошел к сваленным в кучу тюкам с товаром. Здесь битва кипела с особой силой, тела павших громоздились друг на друга стеной. Конан видел с какой лютой ненавистью дрались за мешки разбойники и с каким упорством защищали свой груз караванщики, преимущественно шемиты. Варвар долго смотрел на тюки и, наконец, решил.

Коротко блеснул меч, и сталь распорола холщовую ткань вместе с опутавшими тюк веревками. Из рваной прорехи хлынул серым потоком песок.

Конан подставил под струю раскрытую ладонь и, набрав целую пригоршню серого вещества, поднес его поближе к глазам. То, что это была не соль, варвар увидел сразу.

«О, Кром! Да это же обычная земля!» Варвар был озадачен. Глубоко задумавшись, он медленно перевернул ладонь и, словно завороженный, смотрел, как тонкая струйка серого праха смешивалась с горячим песком, мотнул головой и решительно направился к шатру Варуха.

Пришлось немного подождать, пока не закончился молебен. Шемиты унесли вождя в его палатку, туда же ушла принцесса. Остальные расселись на корточках у входа и стали ждать.

— Конан? — Варвар и не заметил проходившего мимо Товия. Его всегда удивляло, как слепой жрец безошибочно узнавал всех по именам.

— Да, это я, — нетерпеливо буркнул он в ответ.

— Ты, кажется, чем-то встревожен? Хочешь поговорить с Варухом? — участливо спросил Товий. — Боюсь, это сейчас невозможно... Могу ли я его заменить?

— Можешь, — тут же накинулся на него варвар. — Что за дрянь вы везете в тюках? Это вовсе не соль.

— Как ты об этом узнал?! — заволновался жрец.

— Я распорол один из них и...

— Умоляю, потише! — Товий на ощупь нашел руку варвара и крепко сжал. — Не дай создатель, чтоб кто-нибудь тебя услышал. Пойдем в мою палатку и там поговорим.

Заговорщический тон жреца насторожил киммерийца и разбудил любопытство. Они прошли к шатру слепого. Жрец пропустил киммерийца вперед и плотно задернул за собой полог.

— Присаживайся, Конан... Раз уж ты впутался в это дело, я расскажу тебе все. Ох, лучше бы ты этого не делал. — Товий сокрушенно покачал головой, устраиваясь рядом с варварам. Они немного помолчали. — Все это связано с нашим богом Таримом, пророком огненного Эрлика, — повел Товий рассказ. — Далеко на севере Шема был когда-то красивый и богатый город Левис, жители которого поклонялись Тариму и славили его имя в прекрасных храмах. Но правитель Шема счел эту веру ложной и приказал отречься нам от своего бога. С огромной армией он подступил к стенам города и осадил его. Я говорю мы, ибо сам был свидетель тех событий. Фанатичная вера левисцев в силу и мудрость Тарима погубила нас всех. Город исчез в огне, солдаты разграбили храмы, но не смогли найти нашей главной святыни — усыпальницы Тарима, что спрятана глубоко под землей. И тогда захватчики-изувверы ослепили всех оставшихся в живых жрецов, чтобы и они никогда не нашли дорогу в святилище. И я был в числе тех несчастных. Наместник Аия погиб, храбро сражаясь за город. Его жена Раав с остатками верных людей, среди которых были женщины и дети, увела всех в пустыню. Мы долго скитались в песках, умирали от жажды и полученных ран, и только вера помогла людям выжить. В горах мы набрели на дивную долину и построили там новый город, которому дали прежнее имя. Раав стала первой нашей королевой, Мерова, кстати, ее дочь. Воздвигли храм, но чтобы Тарим обрел былую мощь и силу, нужна была священная земля из его усыпальницы. К тому времени я остался единственным служителем старого культа, и когда мне предложили принять участие в этом походе, чтобы отыскать дорогу в подземелье, то прежде чем согласиться, очень долго думал.

— Но все-таки пошел! — восхитился Конан.

— Пошел, а разве я мог отказаться, — вздохая, подтвердил жрец. — Ты сам видел, с каким мужеством сражаются наши люди. Я пошел ради них, ради их веры... Нас было более трехсот, а сейчас осталось чуть больше десятка. Весь путь каравана устлан телами погибших левисцев, и мы вынуждены драться со своими же соплеменниками.

— Я не ослышался? Ты сказал, что пошел ради веры этих людей? — Конан кивнул в сторону входа, забыв, что говорит со слепым. — Но разве она такая же и не твоя? Ведь ты жрец Тарима?

— Ты умный человек, Конан из Киммерии, и задаешь правильные вопросы. Да, ты не ослышался. Это была моя вера, до тех пор, пока мой бог нас не предал. Они мечтают возродить его силу, но где она была, когда захватчики грабили город, резали беззащитных людей и жгли его храмы. Почему он не вмешался, не встал на нашу защиту? Один мудрец поведал мне, будто, на самом деле, Тарим вовсе не был божеством, но просто святым человеком, пророком Эрлика, и никогда не требовал кровавых жертв. И только мои соплеменники обожествили его. Может статься, под именем Тарима, они ныне поклоняются какому-то демону. Или же их Тарим — попросту жалкий идол

Внезапно снаружи налетел крутящийся песчаный вихрь, откинулся полог шатра и унесся, завывая, в пустыню. Жрец поспешил нарисовать перед входом таинственный знак и снова заговорил, понизив голос до шепота:

— Мой совет тебе, Конан, беги отсюда. Беги, пока еще есть возможность. Мы все умрем в этой пустыне. Тарим будет только доволен новой жертвой. Ты достаточно уже сделал для нас.

— Значит в мешках земля из усыпальницы бога? — спросил киммериец, пропуская последние слова жреца мимо ушей.

— Да, — согласился Товий. — Был ли услышан мой совет?

— Я слышал его, жрец. Но данное мной слово, моя честь? Мне было заплачено вперед, а я привык доводить дела до конца. Ты советуешь предать людей, что честно поступили со мной и были добры?

— Упрямец! — воскликнул Товий. — Бери же свои деньги — ты их заслужил. Спасай жизнь, Конан, если она тебе хоть капельку дорога.

Снаружи послышались быстрые шаги, и в шатер, не спрашивая разрешения, вошла Мерова.

— Варух покинул нас, — бесцветным голосом объявила она с порога. — Тарим взял его душу...

Но тут девушка увидела киммерийца, и глаза ее удивленно расширились.

— Конан? Что вы здесь делаете? — обратилась она к жрецу, на лице ее явственно проступили испуг и досада.

Усталость и напряжение последних дней, как бы разом обрушились на нее и превратили в маленькую беззащитную девчонку, нуждающуюся в помощи и опеке. Непомерное напряжение и тяготы похода истощили ее силы. Конан смотрел на нее и видел только тень от человека, которого еще недавно он любил и уважал за мужество и твердость духа. Она казалась вся полупрозрачной, отсутствующей взгляд бесцельно блуждал по шатру.

— Не бойся, госпожа моя, я рассказал ему о нас и нашей вере, — успокоил ее Товий. — Конан нам друг. И будет верен данному им слову.

Слова жреца вернули ее к жизни. Принцесса долго и с недоверием вглядывалась в глаза киммерийца, словно пытаясь заглянуть ему в душу. Варвар не отвел взгляда и честно выиграл поединок. Девушка тяжело вздохнула, как бы смирившись с непоправимым и присела напротив мужчин.

— Прости, Конан, но наша вера вне закона в Шеме. Мы вынуждены скрываться. Я верно поняла, что ты не намерен бросать нас в беде?

— Так поступил бы всякий честный человек, — с достоинством ответил киммериец. — Мой долг — довести караван до цели.

Принцесса с благодарностью улыбнулась ему грустными глазами.

— Я так устала, особенно сейчас, когда погиб Варух, — призналась она, но неожиданно глаза девушки полыхнули огнем, преобразив ее в ту самую Мерову, которой восхищался варвар. — Послушай, Конан, ты лучший воин из всех, кого я когда-либо знала. Тебя уважают наши люди и хауранцы, прими командование над караваном, стань нашим вождем. Все пойдут за тобой.

— Прекрасный выбор, госпожа, — подал голос Товий. — Конан, в самом деле, лучше тебя с этим делом никто не справится.

Киммериец, не ожидавший такого поворота в разговоре, слегка растерялся. Но долго думать он не мог, от него ждали немедленного ответа.

А эти черные глаза, смотревшие на него с немой мольбою...

— Ты можешь рассчитывать на меня, госпожа. — Варвар слегка поклонился, тут же встал и покинул шатер.

Через миг снаружи раздался его громкий голос, отдающий первые распоряжения.

Киммериец со свойственной ему предусмотрительностью взялся за неотложные дела, главным из которых, как он считал, было избавиться от преследователей.

Вызвав к себе проводников, Конан подробно расспросил их обо всех колодцах, впереди по маршруту. Затем он приказал шить меха, много новых мехов для воды и готовить караван к походу, намереваясь выступить уже сегодня.

На военном совете он изложил план, который возник у него в голове. Суть его казалась очень проста, но, в случае удачи, обещала караванщикам избавление от бед, связанных с их гонителями.

Увеличив запас воды, достаточный для двух-трех дней, за счет свободных лошадей, Конан намеревался сделать крюк по самым безводным местам, где нет ни источников, ни родников.

Преследователям придется искать воду, а это расстояния, равные нескольким дневным переходам, либо они попытаются отобрать ее у каравана. Вопрос в том, хватит ли у них для этого сил?

Как раз это Конан и собирался выяснить. Ночью они выступают, с караваном пойдет не более десяти человек. Он с остальными воинами навестит лагерь шемитов.

— Но это же безумие! — возразил один из левисцев, заменивший погибшего помощника Варуха.

— Возможно, да. Но этого от нас они не ждут. Разбойники привыкли к роли охотника, считая нас беспомощной дичью. Пришла пора и нам показать свои когти.

— Бессспорно, риск велик. Но я согласна с командиром, — поддержала киммерийца принцесса. — Удивительно, что Варух, такой опытный воин не догадался о столь простом решении раньше, когда нас было в три раза больше.

— Он, несомненно, поступил бы так, — заступался Конан за своего предшественника. — Но вынужден был ждать, приучая преследователей к мысли о своей неуязвимости. Я уверен, что благодаря его «бездействию» их бдительность ослабла, и мы возьмем их голыми руками. Уважаемый Варух просто не успел довести этот план до конца. Печально... Ну что ж, мы сделаем это за него.

Доводы киммерийца убедили даже самых осторожных маловеров, и на этом совет был закончен. В лагере закипела работа.

Под покровом темноты караван выступил в путь. Конан подождал, пока он не скроется в ночи. И только после этого во главе небольшого отряда направил коня совсем в другую сторону. Еще днем разведчики отыскали разбойничий лагерь в нескольких лигах к северу.

Все было спокойно. Отправленные вперед хауранцы подтвердили, что лагерь охраняют всего шестеро человек и не слишком усердствуют на своих постах. Лучше напасть на них с запада, там, где содержатся кони и верблюды, и попытаться угнать животных.

Хауранцы, в предвкушении схватки, не могли усидеть в седлах от возбуждения. Варвар похвалил их за удачную мысль и принял решение. Он разделил отряд и объяснил людям свой новый план. Сам Конан с десятком шемитов нападет первым с востока, чтобы привлечь внимание к себе. Поднявшийся в лагере шум послужит сигналом для хауранцев. Их задача — увести животных, но гнать табун через лагерь, чтобы усилить сумятицу в стане врага. Клич киммерийца — сигнал к общему отступлению, место сбора здесь же, на этом месте. Конан выждал какое-то время, пока не уверился, что хауранцы не вышли на исходную позицию и отдал команду к атаке...

Еще звезды перемигивались на небе и растущий серп луны воровато выглядывал из-за туч, а варвар со своим отрядом уже догнал караван. Хауранцы и шемиты все еще были возбуждены ночным набегом и, не стесняясь, бахвалились перед товарищами своими подвигами. Почти полсотни лошадей и столько же верблюдов привели они с собой и при этом потеряли лишь двух человек. Караванщики застали лагерь разбойников врасплох: словно смерч пронесся между палаток и дрогающих костров, сея смерть и ужас на своем пути. Люди весело обсуждали

события ночи, щутили над беспечность бандитов и громко смеялись над неправдоподобными рассказами своих товарищей.

Конан остался доволен. Пустив лошадь шагом, он ехал рядом с принцессой и Товием во главе каравана. Ему было приятно видеть восхищение и благодарность в глазах Меровы и слушать хвалебные речи жреца. Он уверился в мысли, что отвел беду от каравана.

Прошло четыре трудных дня — о разбойниках уже никто и не вспоминал. Караван достиг предгорий и теперь шел гораздо медленнее, огибая невысокие холмы голого камня. Внезапно изменилась погода: порывистый ветер с севера принес низкую свинцовую облачность, и солнце целыми днями пряталось за тучами, но облегчение людям и животным это не принесло. Жара не спала, зато усилилась духота, и все живое усыхало на глазах. Тяжелые грозовые тучи проносились над головами путников в образе фантастических чудовищ, а за ними налетали песчаные бури, и приходилось надолго останавливаться, пережидая стихию.

Теперь они шли хорошо знакомой шемитам дорогой, отмеченной выбеленными солнцем и ветром скелетами погибших во время скитаний левисцев.

Ураган ушел на юго-восток, снова появилось солнце, и стало еще жарче, чем прежде.

Конан с проводником поднялся на вершину плоского гранитного холма. Едва кони остановились, как палящий зной окутал всадников. Отсюда открывался вид на тихую широкую долину. В глубокой межгорной впадине, огражденной голыми неприступными хребтами, у подножия отвесных скалистых круч стоял прекрасный белокаменный город, обнесенный крепкой крепостной стеной. В центре города, прячась в зелени пирамидалных тополей, блестело искусственное озеро, окруженное высокой насыпной дамбой. От озера во всех направлениях разбегались тонкие нити акведука, поддерживающие ажурными арками.

Маленькие одноэтажные домики из желтой глины с плоскими крышами теснились вдоль узких улочек, по спирали огибающих город. С высоты холма город напоминал большую желтую черепаху с круглым глиняным панцирем. Только два дома резко отличались от остальных: один — здание дворца, хоть и был одноэтажным, но зато гораздо больших размеров, с невысокими круглыми башенками по углам; и другой — с двумя этажами, круглым основанием, поддерживающим мощными колоннами, и небольшим домиком, поставленным на него сверху.

Но Конан смотрел на долину и не мог понять, что происходит с городом. Он мерцал — то вдруг бесследно исчезая вместе со стенами и домами, то появлялся снова, как будто и не пропадал. Прямо на глазах варвара город менял очертания, словно его накрывало палящее марево, формы домов искались, стены становились прозрачными и, наконец, он совсем растворялся прямо в воздухе, чтобы возникнуть вновь через какое-то время во всей своей белокаменной красе.

Сперва варвар принял его за мираж и даже потер глаза, чтобы разогнать видение. Но видение не исчезло — город прятался и появлялся, словно жил сам по себе. Киммериец вопросительно обернулся к своему спутнику, серьезно за себя опасаясь — уж не слишком ли перегрелся он на солнце. Конан открыл было рот, намереваясь задать терзающий его вопрос, но шемит опередил киммерийца.

— Левис, — сказал проводник с искренней теплотой, и широко улыбнулся варвару. — Красивый город, правда?

Конан выдавил глупейшую улыбку и что-то неразборчиво буркнул в ответ.

«Если для него все выглядит естественно, то почему я должен удивляться?» — подумал киммериец.

— Ты видишь то же, что и я, или только мне пустыня высушила мозги? — все-таки не выдержав, спросил киммериец.

— Успокойся, Конан, это не мираж. Новые жрецы Тарима используют тайную магию,

чтобы прятать город от врагов. Но для полного обретения силы нужна земля из древнего храма. За ней мы и ходили в старый город.

— Опять магия, — недовольно скривился Конан, разворачивая коня.

Навстречу каравану высыпала толпа ликующих горожан, в сопровождении вооруженного отряда верховых и процессии поющих жрецов. Народ восторженно что-то вопил, но из всех криков Конан лишь разобрал часто повторяющееся имя принцессы. Путь каравана был устлан дорогими коврами и усыпан просяным зерном. Счастливых караванщиков-шемитов, напустивших на себя гордый вид, и растерявшихся хауранцев народ с великим почетом внес в город на руках.

К принцессе и Конану подъехал командир верховых и низко склонился в седле.

— Я счастлив приветствовать вас, госпожа, — обратился он к Мерове. — Дни и ночи народ Левиса и ваш преданнейший слуга молились за ваше скорейшее возвращение. И Единственный услышал наши мольбы. Я вижу путь ваш был тернист?

— Благодарю, любезный Ледий, дорога в самом деле была не из легких, — ответила принцесса, лишь кивнув в ответ. — И если бы не этот храбрый воин, лежать бы нам в песках пустыни. Он вел караван после смерти Варуха. Зовут его Конан, и родом он из далекой Киммерии. Отважней и мудрее командира нам было бы не найти во всех известных странах мира. Он настоящий герой, и своей жизнью мы все обязаны только ему.

Молодой шемит, явно породистых кровей, услышав из уст принцессы столь лестный отзыв о могучем варваре, сразу переменился в лице, и между нахмуренных бровей залегла ревнивая складочка. Он вежливо, но с подчеркнутой надменностью кивнул киммерийцу и снова повернулся к принцессе.

— Надеюсь, госпожа, ваш спутник погостит в Левисе. — Шемит старался казаться радушным, но голос выдавал его недовольство. — Ну что же мы стоим здесь и болтаем! Королева Раав ждет с нетерпением вас во дворце, чтобы заключить в свои объятия и услышать рассказ о походе. Поспешите, принцесса. Я лично прослежу за грузом и позабочусь о проводниках.

— Ты очень добр, Ледий. Надеюсь скоро увидеть тебя во дворце, — улыбнулась ему принцесса, и от этой улыбки шемит сразу просиял. — Поедем, Конан, королева будет рада отблагодарить тебя лично.

Вблизи и внутри город ничем не отличался от сотен ему подобных, что видел раньше киммериец, а главное никуда не исчезал. Если бы не толпа горожан, то суеверных хауранцев сюда бы не заманили даже богатствами всего мира. Подбоченившись Конан ехал по улицам Левиса бок о бок с принцессой.

Шея варвара разболелась, устав отвечать на бесконечные приветствия, поэтому он поднял руку в традиционном жесте и не опускал ее до самого дворца, рука занемела, но это было лучше, чем острыя боль в затылке.

Левис не произвел на варвара впечатления: немощеные улицы, убогие дома, тощие бараны во дворах, нехватка древесины, тканей и железа. Город был отрезан от мира, и это чувствовалось буквально во всем.

«Вот, куда нужно приводить караваны с награбленным, — размышлял киммериец, — а не гонять их в Туран, постоянно рискуя жизнью».

Со слов Меровы, Конан знал, что левисцы нашли недалеко в горах серебряные жилы и немного меди — прекрасный товар, чтобы отправиться в Стигию.

«Интересно, чем они кормят свою скотину?»

Пару раз он заметил крохотные клочки огородов и восхитился трудолюбием горожан — варвар был далек от забот землепашцев, но знал, что сами по себе овощи на песке не растут.

Город разрастался и строился, Конан видел множество новых домов и фундаментов, а это вселяло надежду, что Левис не умрет и не станет еще одной жертвой пустыни.

Обилие мелких лавочек и мастерских поразило киммерийца, но он не мог себе представить, чем стали заниматься их владельцы в условиях нехватки самых простых материалов.

Дворец тоже не отличался роскошью — во всех деталях обстановки и незатейливых украшений безраздельно господствовал камень, прикрытый кое-где коврами и шкурами диких зверей. В светильниках горел топленый жир, запах которого уже въелся в вещи и стены. Но все-таки было видно, что это королевское жилище. Здесь слонялось без дела и шепталось по углам огромное количество народа в весьма заношенных, но дорогих нарядах, сновали озабоченные слуги, с неприступным и бесстрастным видом за суетой двора следили стражники — по два у каждой двери. Конан насчитал их двенадцать, прежде чем перед ними распахнулись тяжелые медные створки просторного тронного зала.

Королевский трон, простой деревянный стул без спинки с резными подлокотниками, стоял на невысоком подиуме посреди помещения.

Зато, увидев женщину на троне, у киммерийца перехватило дыхание. Это было настоящее творение богов.

Раав оказалась изящна и стройна, не уступая юной принцессе ни в свежести нежной кожи, ни в плавности линий лица, ни в мягкости черт. Ее формы выглядели более совершенными, по сравнению с девической угловатостью Меровы, а в черных, словно крылья ночи, глазах, сверкали звезды мудрости и силы.

Волосы, заплетенные в косу, были закреплены на затылке золотой заколкой, словно на голове королевы свернулась толстая змея. Но это зрелище не отталкивало, наоборот, оно притягивало киммерийца, словно манящая тайна, прикрытая покровом колдовства.

При их появлении Раав порывисто сорвалась с кресла и с открытыми объятиями бросилась навстречу дочери. Мерова упала ей на грудь, не скрывая счастливых слез радости.

Варвар почувствовал себя здесь лишним, да и придворные, что находились в зале, не знали, куда деть глаза.

Дочь и мать, не ослабляя объятий, не могли насладиться друг на друга, о чем-то вкрадчиво шепчясь.

— Конан из Киммерии, подойди к нам! — вдруг обратилась к нему королева, так что варвар даже вздрогнул от неожиданности.

Он приблизился, поклонился и замер в немом ожидании.

— Благодарю тебя за то, что ты сделал для Левиса и за то, что спас мою дочь, — сказала Раав, пристально изучая киммерийца с ног до головы. — Я прикажу увеличить твою награду.

— Я только выполнял свою работу, — с достоинством поклонился Конан, и вспомнив, что он во дворце поспешно добавил. — Ваше Величество...

— Прекрасный образец мужества и бескорыстия, — по достоинству оценила его ответ королева. — Сейчас ты можешь отдохнуть с дороги, а вечером устроим пир в вашу честь. Я хочу, чтобы ты был моим личным гостем, и поселился во дворце. Слуги покажут твои комнаты.

Голос Раав был слаше музыки, но по лицу ее блуждала загадочная улыбка, насторожившая варвара — когда женщина смотрит так на мужчину... Радость погасла в глазах Меровы, она рассеянно переводила взгляд с матери на киммерийца, и королева, почувствовав тревогу дочери, мягко взяла ее за руку и успокаивающе прибавила:

— Будь нашим гостем...

На этом церемония представления была закончена. Лопающиеся от гордости за свое поручение слуги отвели киммерийца в его покой — прекрасные светлые комнаты, затем проводили в горячую парную, против чего Конан ничуть не возражал. Темнокожие девушки-

рабыни поливали его тело щелоком и тщательно скоблили кусочками пемзы. Конан пребывал на вершине блаженства и мурлыкал, как довольный кот, но странное чувство, будто кто-то тайно наблюдает за ним, ни на миг не покидало киммерийца.

Впрочем, он был настолько счастлив, что не придал этому большого значения.

Под вечер в пиршественной зале собрался цвет левисской знати. Были приглашены все шемиты и хауранцы, принимавшие участие в походе, рассевшиеся на почетных местах, недалеко от королевы и принцессы. Только теперь караванщики по-настоящему почувствовали себя героями, и сидели с важным, напыщенным видом, принимая дорогие подарки и пространные речи вельмож в свою честь. Товий благословил трапезу короткой молитвой, и пир начался.

Разнообразные кушанья с аппетитными запахами сменяли друг друга на столах, прекрасная музыка услаждала слух гостей, а танцовщицы в просторных полупрозрачных одеяниях развлекали мужчин искрометными плясками.

Но Конан чувствовал себя в роли осла, разрывающегося между двумя охапками сена: едва успевал ответить на страстный взгляд принцессы, как тут же приходилось вымучивать улыбку на лице в ответ на подчеркнутое внимание королевы.

Гостям подавались чудесные вина, хотя Конан знал, что сами левисцы не выращивают виноград. Непривыкшие к таким крепким напиткам хауранцы очень быстро охмелели и под восторженное одобрение шемитов исполнили воинственный танец с завидным мастерством, отразив в буйной пляске все трудности недавнего похода.

Чествование героев затянулось далеко за полночь. А после слуги сбились с ног, разводя по домам и покоям, не в меру подгулявших гостей.

Хауранцы нагло приставали к танцовщицам и девушки, получив строгий приказ королевы ни в чем не отказывать героям, поломавшись для виду, охотно поддавались их настойчивым уговорам.

Конан вернулся к себе в комнаты и с блаженством повалился на чистое мягкое ложе. Он был рад подчиниться настойчивым нашептываниям сна, как вдруг в дверь его спальни тихонько постучали.

Раздраженный киммериец поднялся с постели. На пороге стояла черная рабыня и робко улыбалась.

— Ты послана ко мне украсить эту ночь? — увидев стройную фигурку, смягчился варвар. — Входи же...

— О, нет, мой господин, такая честь не для меня, — смущилась девушка, благодарно сверкнув жемчужной белозубой улыбкой. — Прошу вас, идемте со мной.

— Но кто послал тебя, красавица?

— Не нужно задавать вопросов, — укорила его рабыня. — Идем же, вас кое-кто ждет.

Конан пожал плечами, принимая ее игру в загадочность, и покорно последовал за рабыней. Шли они тайным путем, где их никто не мог заметить, даже стража, и киммериец догадался, куда они идут. Но вот какая из двух пожелала увидеть его?

Рабыня приоткрыла перед ним незаметную дверцу в стене и посторонилась с полупоклоном, пропуская киммерийца вперед.

— Прошу вас, господин.

Конан с трудом смог протиснуться в крошечный лаз и оказался в затемненной спальне. Задрапированные коврами стены и пол, маленький резной столик с большим серебряным зеркалом, круглое просторное ложе под балдахином, слабо освещенное светом свечей из черного воска. У кровати стояла маленькая медная жаровня и затейливая курильница, наполняющая спальню ароматом сандала. Полуприкрытая шелками и утопая в мраморе подушек, на кровати возлежала Раав. В тусклом свете свечей она выглядела еще прекрасней, намеренно

демонстрируя округлые прелести своего восхитительного тела, не стесняясь своей наготы. Томная улыбка играла на влажных губах королевы приглашая варвара отведать их сладостный вкус.

— Ты удивлен, киммериец? — спросила она, и лукавые лучики зажглись в колодцах ее глаз. — Что ж ты молчишь?

Конан проглотил комок в горле.

— Я восхищен твоим Совершенством королева, — правдиво ответил он.

— Раав, зови меня просто Раав... Иди же ко мне, киммериец, — она чарующе улыбнулась, оставшись довольна его ответом. — Ночи так коротки...

— Зато жизнь длинная, — мудро заметил варвар, сбрасывая с плеч халат...

Рано утром всю ночь вздыхавшая у дверей королевской спальни темнокожая рабыня тем же тайным путем проводила варвара в его покой.

После завтрака к нему явился мальчишка-шемит.

— Меня зовут Аром, господин, сын смотрителя королевских бань, — с важным видом представился паренек. — Я должен выполнять твои приказы.

— Прекрасно, а мое имя Конан. Ты можешь показать мне город, Аром?

— С большим удовольствием, Конан, — сбросил он свой напыщенный вид.

Весь день они гуляли по Левису: ходили на городской пруд, побывали на рынке и в королевском зверинце. Повсюду киммерийца узнавали и оказывали самый радушный прием. Конан поражался изобретательности шемитских мастеров, создававших из глины все необходимые в обиходе вещи.

А уж о причудливости многообразной керамики с затейливыми орнаментами и говорить было нечего. Люди трудились в поте лица, чтобы хоть как-то улучшить свой быт и украсить город.

Аром привел его на храмовую площадь, и варвар уже собирался войти внутрь святилища, но мальчик вовремя поймал киммерийца за рукав.

— Тебе туда нельзя, Конан. Ты чужеземец и не нашей веры, — предупредил мальчишка.

— И что с того? Дверь открыта, — удивился варвар, останавливаясь на ступеньках каменной лестницы.

— Откуда мне знать?! Нельзя и все... Жрецы не велели пускать в храм чужеземцев, — надулся парнишка.

Конан пожал плечами, но спорить не стал.

Перекусив свежеиспеченными лепешками в какой-то лавке, они пошли к крепостной стене, и стражники разрешили им подняться на башню, откуда открывался прекрасный вид на горы и заливные поля, где под палящим солнцем работали и горожане, и рабы.

Ближе к вечеру их прямо на улице разыскала Мерова.

Рядом с киммерийцем остановились шестеро шемитов, опустивших на землю позолоченный паланкин, и из-за занавески выглянуло недовольное лицо принцессы.

— Отправь домой мальчика и быстро садись! — коротко приказала она.

Попрощавшись с пареньком, Конан забрался в носилки, и паланкин тронулся вверх по улице. Не дожидаясь пока варвар устроится поудобнее, принцесса бросилась к нему на шею и стала горячо целовать.

— Бессовестный, — надулась Мерова, когда страсть ее немного улеглась. — Как ты можешь спокойно гулять по городу, когда я просто горю от желания.

Конан промолчал, но Мерова и не ждала ответа. Измученная разлукой, она была счастлива, вновь обретя его, и говорила за них двоих.

— Можешь не рассказывать, где ты был прошлой ночью. Я все знаю... Тебе было с ней

хорошо?

— Да, — честно признался Конан, не боясь вызвать гнев своей спутницы.

— Моя мать знает, как доставить радость мужчине. — Она, казалось, совсем не обиделась и добавила с легким волнением: — Но сегодняшнюю ночь ты будешь со мной, если, конечно, этого пожелаешь.

Вместо ответа Конан закрыл ее уста долгим и страстным поцелуем.

— Я хочу, чтобы ты остался со мной и принял нашу веру, — попросила принцесса, прощаясь утром с киммерийцем.

Конан ничего не ответил — те же самые слова сказала ему королева Раав прошлой ночью.

После полудня за ним пришел слуга и проводил в маленький садик, где в окружении придворных прогуливалась королева.

— Оставьте нас, — строго приказала она, и по жесткости в ее голосе, Конан догадался, о чем пойдет разговор.

— Я для тебя недостаточно хороша? — напустилась на него Раав чуть ли ни с кулаками.

Она была восхитительна в своем благородном негодовании, и варвару с большим трудом удалось не поддаться ее колдовским чарам.

— Разве я мог отказать? — ответил он вопросом на вопрос. — Чего здесь стоит жизнь чужеземца?

Раав, понимая его правоту, закусила губу от досады и нервно заходила по аллее.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — Но сегодня не обещай ничего принцессе. Ты согласен?

— Как же я могу отказать королеве? — усмехнулся варвар, но женщина не заметила его иронии.

— Раав, мы, кажется, договорились, — смягчилась она. — До вечера, мой друг.

Так прошло несколько скучных дней, а по ночам Конана рвали на части две прекрасные женщины, которые никак не могли поделить его между собой. Накануне он простился с хауранцами и остался совсем один. Воины пустыни покинули город, получив богатые дары, щедрую награду чистейшим серебром и выгодно продав лишних лошадей и верблюдов. Они звали его с собой, но варвар решил немного подождать, не желая огорчить сразу двух любовниц.

Он погулял по саду, затем вернулся к себе, надел лучшие свои одеяды и решил навестить Раав. Каково же было удивление киммерийца, когда стражники остановили его перед дверью на королевскую половину, которую он уже привык открывать ногой.

— Сейчас туда нельзя. — Воин мягко придержал Конана за плечо. — Королева совещается с принцессой.

Из-за двери слышались визгливые женские крики и звон бьющейся посуды.

— Серьезный разговор, — варвар заговорщики подмигнул шемиту. Стражник понимающе улыбнулся в ответ, но тут же вновь посерезнел.

Конан вздохнул и ни с чем вернулся к себе.

Заметные перемены произошли тем же вечером. Мимо дворца, поднимая за собой клубы пыли, пронесся отряд верховых. Киммериец долго глядел им вслед и никак не мог понять, что вдруг ему показалось в них столь поразительным. А потом понял, и ответ варвару не понравился: воины были облачены в туранские доспехи. Кстати, стражники во дворце тоже одели кольчуги!

В городе что-то происходило. Потом над северными окраинами занялось багровое зарево, а через какое-то время заполыхал и запад. Пожар — понял Конан и решил отправиться в город, посмотреть, в чем там дело. Коридоры были забиты охраной, и из дворца киммерийца не выпустили, попросив не покидать своих комнат, любезно, но очень настойчиво.

По улицам в сторону северных кварталов шли отряды стражи, разгоняя толпы зевак по своим домам.

Принесли ужин. Конан пытался расспрашивать слуг, но вразумительных ответов от них не добился.

«В городе мятеж, беспорядки», — только и мог понять он.

Ни в эту ночь, ни в последующие за ним не посыпали, и это очень обеспокоило киммерийца.

Три дня варвар просидел взаперти и в полном неведении, довольствуясь лишь видом из окна. Нередко он наблюдал, как целые семьи горожан выбирались на крыши своих домов, падали на колени, обратясь лицами в сторону храма, и глава семейства немилосердно хлестал веревкой обнаженные плечи и спины своих домочадцев. Потом они менялись местами, и тут уж доставалось кормильцу.

— Что это они делают? — спросил удивленный варвар слугу, приносившего ему еду.

— Молят Тарима ниспослать мир на город, — разъяснил шемит. — Левисцы так часто поступают, когда есть крайняя нужда.

— И что же, помогает? — Конан заинтересовался всерьез.

— Очень редко, — неохотно признался слуга. — Но не сомневайтесь, господин, это проверенный способ. Страдая, человеку проще докричаться до бога.

«В жизни не видел глупее обычая», — скептически подумал киммериец.

Он собрался уезжать из Левиса, но не мог добиться приема ни у королевы, ни у принцессы и получить высочайшее на то пзволение. От праздного безделья Конан не находил себе места, а между тем, в городе полыхали пожары и шли бои.

На четвертые сутки мятеж был подавлен. Над Левисом повисла тяжелая напряженная тишина. Горожане, напуганные волнениями, сидели по домам и боялись показаться на улице. Казалось, что город вымер.

Конан стоял у окна, когда в дверь громко постучали.

Он обернулся на стук и увидел в дверях переминающегося с ноги на ногу стражника.

— Чего тебе? — грубо бросил киммериец.

— Господин, вас желает видеть какой-то бродяга. Прикажете прогнать, или... — За эти дни охрана уже успела познакомиться с крутым характером варвара, а кое-кто и с его кулаками.

Рука киммерийца уже тянулась за глиняным қувшином с водой, чтобы запустить им в голову стражника, дерзнувшего беспокоить его по таким пустякам, но внезапно Конан задумался и изменил свое решение.

— Пусть войдет, — распорядился он: «Друзей у меня в этом городе нет, кто это может быть?»

В комнату бочком вошел горбатый, согнувшись пополам человек в разорванном черном балахоне с глубоко надвинутом на глаза капюшоном и клюкой в руках.

— Ты что еще за пугало? — уставился на него киммериец.

— Важные новости, господин. Прикажи страже выйти, — прогнусавил бродяга.

Конан коротко кивнул, и стражники быстро ретировались за дверь.

— Ну, — поторопил варвар.

Но незнакомец сперва запер дверь на засов и лишь потом сбросил капюшон с головы.

— Твой! — подскочил к жрецу варвар. — Что за балаган? Почему ты в таком мерзком виде?

— Тише, никто не должен знать, что я — это я. — Жрец поднес палец к губам.

— Надеюсь, хоть ты мне расскажешь, что здесь происходит?

— Всему виной ты, Конан. Да-да, именно ты. — Твой тяжело вздохнул и продолжил. — Ра-

ав с Меровой передрались из-за тебя, как две кошки из-за кота. Полгорода сгорело. А сколько крови невинных пролито...

— Скверная новость, — согласился варвар.

— Это еще не все, — подбодрил его жрец. — Они уже помирились и залогом их мира стала твоя жизнь. «Нет киммерийца — нет причин для раздоров», — так сказала принцесса. Это ее подлинные слова, я сам слышал.

— Не думай, что ты ранишь мне сердце. Я этого ждал, — варвар был ироничен. — Но продолжай, прошу тебя.

— И последнее, наверное, худшее из всего. Твоих хауранцев заперли в темнице, они вовсе не покинули город, да и наивно было думать, что вас выпустят отсюда живыми. Никто не должен знать, где находится Левис. Тебя и их принесут в жертву Тариму на торжествах освещения храма. После чего город превратится в призрак, и никто больше не сможет не выйти из него не войти. Такова сила магического заклятия, составленного новыми жрецами.

— И ты пришел рассказать мне об этом? — Конан посерезнел, сжав от гнева кулаки.

— Я пришел помочь, — снова вздохнул Товий. — Эх, Конан, Конан, говорил тебе — беги, не внял ты доброму совету... Ладно, еще не поздно. Слушай меня внимательно, киммериец. Постарайся выбраться из дворца, здесь я не в силах тебе помочь, действуй сам, но шум лучше не поднимай. Иди к храму. В городе сейчас тихо, никто тебя не остановит. Найдешь на площади тюрьму, охраны там не много. Поптайся вызволить хауранцев... Рядом гвардейские конюшни. Берите лошадей, я уже дал приказ, чтобы кони были готовы, и уходите через Северные ворота. Если ты освободишь хауранцев, то у вас будет шанс прорваться, в одиночку там не пройти. Это все, что я могу для тебя сделать... Теперь мне пора уходить... Беги через окно, в коридоре полно стражи.

— Спасибо. — Конан стиснул руку жреца. — Я не забуду тебя Товий.

— Не мешкай, времени мало. Как только дверь за мной закроется... Удачи тебе, Конан, и да пребудет с тобой сила богов, — обернулся он уже с порога.

Киммериец так и сделал. Выбрав из многочисленных подарков Раав невзрачный серенький халат, варвар быстро переоделся и выглянул во двор. Улицы по-прежнему казались пустынны, но вдоль дворцовой стены попарно прогуливались четверо мечников. Пройти незамеченным мимо них было невозможно.

Он выпрыгнул в окно и с самым беспечным видом пошел прямо к воинам. Стражники сразу заметили и ускорили шаги навстречу. Конан приветливо помахал им рукой и улыбнулся.

— Что ты здесь делаешь, киммериец? — спросил сбитый с толку начальник стражи, но варвар не дал ему рта раскрыть.

— Вы проводите меня в храм, — не терпящим возражения тоном приказал он, — где я должен принять истинную веру.

— Но никто не отдавал такого распоряжения, — возразил нахмутившийся стражник.

— Тебе приказывает будущий король! — развивал наступление Конан. — Это одно из условий мира принцессы и королевы.

Обескураженная таким напором охрана вытянулась перед ним по струнке.

— Ну что, вы идете или мне позвать на помощь Раав?

Весь город знал о любовных похождениях варвара, и его уверенная, наглая ложь вконец сломили сопротивление мечников.

В сопровождении почетного караула из четырех человек Конан благополучно добрался до площади. Здание тюрьмы располагалось напротив святилища.

Конан направился прямо к нему.

— Осмелюсь заметить, э... Ваше Величество, храм в другой стороне, — робко подал голос

один из стражников.

— По-твоему, у меня нет своих глаз! Мы идем к тюрьме! — рявкнул на него Конан, и воин счел за благо не лезть со всякими глупостями к этому опасному человеку.

— Ждите здесь! — приказал киммериец и решительно вошел в здание.

Прежде, чем часовой у внутренних дверей успел поднять тревогу, кулак Конана промял его шлем, и воин со счастливой улыбкой присел отдохнуть в уголке.

«Жаль не успел его спросить, где держат хауранцев», — запоздало пожалел киммериец, но задерживаться здесь не стал.

Из-за дверей караульного помещения слышались голоса отдыхающей охраны.

Варвар вернулся к мирно спавшему часовому и забрал меч. Аккуратно, без шума он просунул его через ручку и намертво заклинил дверь снаружи.

Коридор повернул налево. В десяти шагах маячила одинокая фигура скучающего тюремщика.

— Эй, где тут держат хауранцев? — подступил к нему варвар. — Кажется, их время пришло. — Конан зловеще засмеялся.

— Хвала Тариму! — заржал солдат. — В конце коридора... Но... — Глумливая рука судьбы в последний миг жизни стражника решила приоткрыть ему глаза.

Конан, все еще улыбаясь, грубо схватил шемита под мышки и с силой припечатал к стене, а затем помог прилечь на каменный пол. Дверь в конце коридора оказалась не заперта. Конан вошел в пустую камеру и тут же увидел железную решетку в полу и деревянную лестницу рядом с ней. Он сбил замок и откинул крышку. В колодце царила вечная ночь.

— Амаль, Сзади... вы здесь? — крикнул он в темноту и еле успел увернуться от комка грязи, брошенного ему в лицо. — Значит, я не ошибся... Вы что, не рады меня видеть?

— Конан?! Ты?! — снизу послышались удивленные и радостные голоса.

— Тише, сейчас я вас вытащу, — варвар спустил вниз лестницу и через миг уже был в объятиях грязных, оборванных, но счастливых хауранцев. — Как вы сюда попали?

— Мы покинули город, но дальше первой же стоянки не ушли. Шемиты что-то подмешали в воду, и всех нас сморил сон... Они взяли нас голыми руками! Проклятье Сета на их головы!

— Ясно. Теперь слушайте. Мы должны бежать. Здесь рядом есть конюшни, охраны немного. Уйдем через Северные ворота, — на ходу ввел их варвар в план действий.

Когда прохладающиеся на улице мечники увидели высыпавшую из тюрьмы свирепую толпу хауранцев с грозным киммерийцем во главе, то благоразумно решили не сопротивляться и покорно отдали свое оружие беглецам. Их заперли в здании, вполне довольных, что им вообще сохранили жизнь.

Конюшню взяли почти без боя, конюхи в панике разбежались, а несколько стражников, попавшихся под руку жаждущим крови хауранцам, умерли быстро и без мучений. Как и говорил Товий, кони были уже наготове: верховые оседланы, запасы воды, продовольствия и оружия навьючены, и на каждого беглеца приходилось еще по несколько сменных лошадей. Конан в сотый раз мысленно поблагодарил слепого жреца и вскочил в седло. Беглецы помчались по затаившему дыхание городу в сторону Северных ворот. Вскоре они достигли окраины со следами прогремевших здесь боев.

Целые кварталы Левиса были разрушены огнем, улицы завалены мусором и обломками колесниц, а на земле виднелись высохшие пятна крови.

Через открытые ворота стражники выводили из города повозки, груженые мертвymi телами. Хауранцы, как вихрь налетели на них и в считанные мгновения вырезали всю охрану. Путь к спасению был свободен.

Один из чудом выживших шемитов, шатаясь, поднялся с земли, и Конан направил к нему

коня, намереваясь добить счастливчика. Раненый заметил приближающегося киммерийца и застыл на месте, а затем резким движением сдернул с головы глухой туранский шлем.

— Мерова?! — удивился варвар, осаживая коня. — Достойная работа для принцессы. — Киммериец кивнул на повозки.

— Ты ничего не знаешь, Конан... Это... — она презрительно обвела взглядом процессию, — всего лишь видимость. Под трупами серебряные слитки... Жрецы готовят какой-то обряд, но сами не знают, что из этого выйдет. Я решила на время покинуть город, пока все не выяснится, и прихватила королевскую казну. Помоги мне, и все это богатство будет нашим!

— А королева, она знает?

— Какая разница? — отмахнулась принцесса.

— Что ж, пожалуй, я возьму их с собой, — засмеялся варвар. — Кажется, город мне кое-что задолжал. А ты возвращайся во дворец и передай королеве Раав, что я благодарю ее за столь щедрый подарок.

И Конан отдал команду хауранцам. Лицо Меровы покрылось мертвенною бледностью.

— Именем Тарима, Конан, умоляю тебя, не бросай меня здесь! Возьми с собой, я согласна быть кем угодно — наложницей, рабой все равно! — в отчаянии вскричала принцесса, повиснув на стременах его коня.

— Будь проклят твой жалкий бог и этот город вместе с ним! Прочь с дороги, змея! — Конан грубо оттолкнул принцессу и, подхлестнув коня, догнал веселых и счастливых хауранцев...

Конан больше никогда не вспоминал прелестную принцессу Мерову и королеву Раав, не думал, чтосталось с ними и с Левисом. Его вела по жизни своя судьба.

Пылая местью, через год хауранцы с большим войском пришли в левисскую долину, но не нашли в ней ничего.

Город исчез без следа вместе с богом Таримом, и вскоре даже память о них превратилась лишь в призрак.

WWW.CIMMERIA.RU